

Цифровые практики в прогрессивном иудаизме в России во время пандемии COVID-19

Мария Александровна Шишигина

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Аспирантка

ORCID: 0000-0003-2040-8620

Центр изучения религий

Российского государственного гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская площадь, д. 6

Тел.: +79856322377

E-mail: shishiginamaria@mail.ru

DOI: 10.31168/0470-1.05

Аннотация: В статье рассматриваются цифровые практики, сформировавшиеся во время пандемии COVID-19 в иудейских прогрессивных сообществах Москвы и Санкт-Петербурга, когда у общин не было возможности собираться в синагоге. Руководители религиозных общин встали перед вызовом перевода религиозных ритуалов в онлайн-формат. Рассмотрены вопросы о способах онлайн-коммуникации, сформировавшихся в российских общинах, особенностях трансформации религиозной жизни, актуальности цифровых практик после снятия ковидных ограничений. Несмотря на разное восприятие интернета и новых медиа руководством российских общин, онлайн-технологии активно применялись в религиозной практике во время локдауна и остались актуальными в повседневной жизни верующих после него. Богослужения стали сопровождаться видеосъемкой и прямой трансляцией в Facebook*, Instagram*¹, Zoom. Выяснилось, что в каждой отдельной общине в зависимости от разных факторов складывается свой уникальный способ использования интернета с учетом взглядов верующих и раввинов. В статье проанализированы выработанные в прогрессивных общинах цифровые практики, а также выявлены факторы, влияющие на выбор той или иной стратегии коммуникации во время пандемии.

Ключевые слова: прогрессивный иудаизм в России, цифровые практики, пандемия COVID-19, религия онлайн

¹ Здесь и далее (в соответствии с действующим законодательством РФ) организации, признанные экстремистскими и запрещенные на территории РФ, отмечаются с помощью знака*.

В период пандемии COVID-19 социальная жизнь людей трансформировалась – работа, учеба, встречи с друзьями и семьей, шоппинг и даже молитва онлайн стали the New Normal. Глобальная трансформация коммуникации между людьми затронула все сферы частной и публичной жизни, и онлайн-коммуникации сыграли важную роль в поддержании социальных связей в различных сообществах.

Само понятие сообщества стало размытым – где границы реального и виртуального сообществ? Является ли виртуальное реальным? Какие социальные практики нельзя переносить в онлайн? Все эти вопросы стали значимыми для разных организаций и сообществ с момента начала пандемии и объявления карантина.

Религиозные общины не стали исключением и были вынуждены решать сложную задачу – соблюдать предписания своей традиции и исполнять ритуалы в экстремальных условиях карантина. С одной стороны, многие религиозные традиции предписывают личное присутствие всех участников молитвы во время исполнения ритуала, с другой – в период карантина существует запрет на собрание большого количества людей в одном месте. Отсюда дилемма, которая в зависимости от догматов того или иного учения разрешалась по-разному: нарушить закон религиозный или государственный? Является ли онлайн-ритуал приемлемой формой богослужения и не противоречит ли он традиции? В случае прогрессивного иудаизма ответ на этот вопрос заложен в самой философии течения, предполагающей возможность трансформации ритуала в зависимости от современных обстоятельств и условий окружающей среды, в которых находится община.

Прогрессивный иудаизм, исходя из постулатов традиции, позволяет изменять традиционную/привычную форму соблюдения ритуала в зависимости от внешних (культурных, социальных, политических и др.) обстоятельств. В конкретном случае, при невозможности очных собраний в синагоге во время карантина, использование цифровых площадок с проведением религиозных ритуалов онлайн становится логичным и удобным решением проблемы для иудейских прогрессивных общин.

Ключевые вопросы исследования: какие цифровые практики были выработаны и использованы для замены привычного офлайн-формата онлайн-богослужениями? как воспринимался процесс перехода в онлайн участниками и организаторами?

В статье анализируются способы адаптации прогрессивных иудейских общин в России к новым условиям карантина и применение цифровых практик в период пандемии COVID-19. Источником исследования являются онлайн-интервью автора статьи с раввинами и организаторами онлайн-богослужений в синагогах Ле-Дор Ва-Дор (Москва) и Шаарей-Шалом (Санкт-Петербург) (август 2020 г., март 2021 г.), а также данные включенного онлайн-наблюдения страниц прогрессивных общин в социальных сетях, преимущественно на Facebook*¹.

В условиях активного использования общинами интернета у исследователя существует возможность быть непосредственным участником онлайн-молитв, праздников и других мероприятий. Временной промежуток между интервью позволил проследить динамику в использовании цифровых площадок при проведении религиозных ритуалов. Спустя полгода члены общины смогли отрефлексировать и оценить переломный момент карантина, а также сделать выводы, касающиеся изменений религиозной практики в целом и перспектив использования цифровых технологий в дальнейшей повседневной жизни общины.

При изучении использования медиа религиозными общинами применялся подход «социального формирования технологий» Х. Кэмпбелл [Campbell 2010]. Он учитывает как факторы, определяющие реакцию религиозных общин на новые медиа (отношение к обществу, авторитету и тексту), так и оценку ими самих новых технологий. Предполагается, что социальные группы в большей мере формируют технологии в соответствии с собственными целями, нежели характер технологии определяет ее использование и результаты.

Трансформация религиозной жизни общин во время пандемии

На характер изменений в жизни российских прогрессивных общин во время пандемии COVID-19 повлияло несколько факторов. Во-первых, отношение руководителей и лидеров общины к интернету и его использованию во время религиозных служб. Во-вторых, технологическая оснащенность общины и техническая грамотность организаторов онлайн-мероприятий. В-третьих, оценка периода ка-

¹ Данная социальная сеть наиболее часто используется общинами в России.

рантина в целом – представляется ли он временным событием, которое должно скоро закончиться, и жизнь вернется в привычный ритм, или же как переломный момент, который навсегда изменит обыденность.

Х. Кемпбэлл объясняет в своей методологической работе «When Religion Meets New Media», что существует несколько способов использования медиа технологий религиозными группами. Один из способов подходит к описанию восприятия медиа в прогрессивном иудаизме:

Многие религиозные группы рассматривают медиа как проводник. Это означает, что они воспринимают его как нейтральный инструмент, который служит во благо или во зло в зависимости от способа использования <...> Те верующие, которые воспринимают медиа как проводник, могут с легкостью использовать его в инновационном виде без идеологического конфликта¹ [Campbell 2010, 47].

Говорить о единой реакции на пандемию прогрессивного иудейского движения в России невозможно, поскольку в каждой отдельной общине в зависимости от различных факторов (взглядов раввина, желания верующих, технической оснащенности общины) формируется особенное отношение к интернету. Тем не менее, легитимность использования новых медиа в прогрессивном иудаизме сомнению не подвергалась. Степень включенности в онлайн-коммуникацию во время религиозных практик, ее оценка, и способы адаптации цифровых технологий к определенному религиозному ритуалу были разными.

В каждой общине с начала пандемии постепенно формировался свой особенный формат включения онлайн-практик и использования социальных сетей (Zoom-встречи, YouTube, Facebook* трансляции и т.п.) в богослужениях. Раввины выработали определенную модель и стиль организации молитв и проповедей. Так, некоторые из ведущих религиозную службу направляли свое внимание именно на онлайн-аудиторию, то есть взаимодействие происходило с людьми,

¹ Здесь и далее перевод цитат из англоязычной литературы выполнен автором статьи. (Прим. ред.)

подключившимися к Zoom или смотрящими трансляции удаленно через цифровые площадки. Другие лидеры выбирали формат взаимодействия с людьми, находящимися в зале синагоги. Поскольку даже во время карантина в одном помещении могло собираться определенное количество человек, не превышающее разрешенное государством, то религиозная молитва/проповедь могла быть направлена на присутствующих в зале, а подключавшиеся через различные социальные сети становились удаленными участниками процесса. Третий вариант проведения ритуала – это полностью удаленный способ. При таком способе коммуникация возможна с помощью мессенджеров и других приложений, обеспечивающих просмотр богослужений других общин. Такой вариант исполнения ритуала наблюдался в тех общинах, где нет технической и кадровой возможности организовать и переносить службы в онлайн-формат собственными силами. Таким образом, члены общины подключались через цифровые площадки к доступным им трансляциям служб из других общин. Чаще всего российские участники подключались к московскому центру прогрессивного иудаизма.

Для иллюстрации вышесказанного приведу примеры цитат из интервью, где раввины описывают способ проведения служб в карантин в их общинах. В московской общине раввин оценил пандемию как довольно плодотворный этап:

У нас большой опыт работы в пандемию, ни одного шаббата не пропустили. Онлайн-трансляции стали нашим основным средством коммуникации. К нам подключаются не только из России, но и из других стран мира [Инт. 1].

Мы договорились что проводим в пятницу трансляции в Зуме и в Фейсбуке*, проповедь по недельной главе в Зуме, а в Ютуб выкладываем готовые уже видео [Инт. 2].

По контенту Facebook-группы общины Ле-Дор Ва-Дор [Ле-Дор Ва-Дор] видно, что с самого начала пандемии были запущены онлайн-трансляции молитв и Zoom-встречи, на которых проводились уроки по недельным главам и другие общинные мероприятия. Если на первые онлайн-мероприятия подключались только члены общи-

ны, то довольно быстро (спустя 3–4 встречи после начала трансляций в Facebook*) к мероприятиям стали подключаться члены из общин других городов и даже стран. Произошел рост подписчиков в Facebook-группе, посты стали активнее комментироваться: например, во время молитв пользователи передавали друг другу приветы из разных городов и стран, поздравляли с наступлением шаббата.

В другой крупной общине – Шаарей-Шалом – лидер и ведущий религиозных мероприятий выбирает формат взаимодействия с людьми, находящимися в синагоге, а социальные сети и другие цифровые площадки служат лишь дополнением, но не основным каналом взаимодействия во время молитвы:

Ну, скажем так, я ни одной еще молитвы из дома не проводила. Ни одного рабочего своего дня я лично не пропустила и даже в самый жесткий карантин нас все равно хотя бы человек 5 собиралось, потому что если мы вели трансляцию, мы вели, естественно, не с дивана... Мы не делали никаких трансляций в Фейсбуке*, Ютубе, кроме лекционных. То есть все, что касается литургии, у нас литургия осталась живая, плюс Зум для проверенных зарегистрированных людей [Инт. 5].

На странице Шаарей-Шалом в Facebook* [Шаарей-Шалом], в отличие от московского варианта, не транслируются богослужения в открытом доступе и возможность присутствия на молитве существует только через получение ссылки от религиозного лидера. В интервью было приведено следующее объяснение:

Я этого не делаю по нескольким причинам. Во-первых, я не считаю, что наши молитвы, ну лично нашей общины, настолько профессиональными, чтобы их выставлять на широкий обзор, то есть это интересно тем, кто внутри. Плюс мои волонтеры, которые мне помогали, они тоже сказали, что они не хотели бы выходить в открытый эфир. То есть я уважала их чувства тоже [Инт. 5].

По поводу технической оснащенности и формата проведения службы лидер общины Шаарей-Шалом поясняет:

Никакого специального оборудования мы не покупали. Вот какой был у меня ноутбук, с того мы и выходили, ну и до сих пор мы не приобрели какой-то там камеры хорошей или еще чего-то... [Инт. 5].

Таким образом, онлайн-богослужения не стали важной образующей практикой для общины, лидер не планирует развивать это направление. В общине столицы ситуация иная – довольно большие усилия были направлены на техническое оснащение службы для перехода в онлайн. Один из организаторов онлайн-мероприятий комментирует:

Весь свет, вот эти микрофоны, защита для микрофона – это все люди, которые нас слушают, они нам подсказывали, что делать. Мы (организаторы религиозных служб – М. Ш.) технически не подкованы. <Люди подсказали> придумайте свет, чтобы падал сбоку, не надо в лицо. Если в Зуме работаешь – то не надо близко, потому что отражается экран. Вот микрофончик маленький, который я вам показывал – мужчина нам подсказал, который работал в этой системе, мол, просто вставили его в телефон. Первый шаббат онлайн – это была комедия. Вера (организатор мероприятий – М.Ш.) включила, я начинаю вести, через 5 минут ей пишут – переверни телефон. Мы еще не знали ... сейчас мы вышли на то, что на будущее – уйдем ли полностью в онлайн [Инт. 3].

При моем посещении общины Шаарей-Шалом после снятия ограничений организаторы показали мне, как проводятся онлайн-службы: где обычно стоит камера, какие используются компьютеры, микрофоны. Место, откуда кантор ведет службу, было оборудовано светом, стояла подставка для камеры – то есть службы проводятся с фокусом на онлайн-аудиторию, цифровые возможности стали неотъемлемым способом коммуникации между членами общины как во время молитв, так и во время других мероприятий.

Третий вариант использования цифровых технологий во время пандемии был представлен в одной из региональных общин в Тюмени. В начале беседы раввин, к которому я обратилась с просьбой об интервью, выразил удивление:

Что касается пандемии, то это самый скучный период нашей деятельности и странно, что Вы его взяли для изучения. Полагаю, что мы в это время делали то же, что и все [Инт. 4].

Как дальше поясняет раввин в интервью, общение между верующими происходило без организации собственных онлайн-мероприятий – переписывались, обменивались фотографиями:

В Вайбере у нас постоянный идет контакт и выкладывание фотографий, обмен информацией, поздравление с праздниками и так далее. Вот пекли в домашних условия халы и, соответственно, каждую пятницу выкладывались фотографии зажженных свечей и но-воиспеченных хал [Инт. 4].

Также члены данной общины подключались к Facebook-трансляциям молитв московской общины прогрессивного иудаизма и смотрели записи уроков по недельной главе, которые готовил, записывал и выкладывал в закрытой группе сети «Вконтакте» их раввин. Одной из первостепенных задач региональной общины была социальная поддержка. Раввин поясняет:

По старшему возрасту мы делали продуктовые наборы, которые развозились волонтерами. Есть просто нуждающиеся в продуктовых наборах, остальные все знают, как праздновать [Инт. 4].

Таким образом, деятельность общин во время пандемии довольно разнообразна и зависит от задач и целей представителей конкретной общины: где-то это сугобо религиозный компонент (исполнение ритуалов, совместное богослужение, недельные уроки), в других – помощь членам общины и поддержание внутренних социальных связей.

Три описанных способа использования цифровых технологий в религиозной деятельности общин показывают, что прогрессивный иудаизм в России довольно быстро адаптировался к новым условиям пандемии и выработал свои специфические религиозные практики. В зависимости от стиля лидерства раввинов и способов коммуникации между членами общины выстраивались определенные стратегии, позволяющие решать первостепенные задачи. В одних

общинах – это проведение молитв, в других – общение между верующими, а в третьих – помощь и забота друг о друге в сложной ситуации пандемии.

Восприятие цифровой религии

Несмотря на то, что в прогрессивной иудейской среде легитимность использования цифровых технологий в религиозных ритуалах не подвергалась сомнению, способы адаптации в каждой общине были разные. Помимо этого, разным было также восприятие технологий участниками религиозного процесса.

Некоторые раввины легко приспособились к ведению молитвы в прямой трансляции в социальных сетях, другие же предпочитают живой контакт с людьми в синагоге. Исходя из данных интервью можно увидеть, что личное восприятие технологий раввинами повлияло на выбор тех или иных способов адаптации к ситуации пандемии. Раввин московской общины на вопрос об отношении к онлайн-молитвам ответил следующим образом:

Ну, тут своя специфика есть, потому что, когда рассказываешь, предположим, о недельной главе Торы или даже если говорить проповедь – тут важно, конечно, видеть людей и это, конечно, сложнее. Тут ощущение, опять же, будто говоришь в пустоту. Это сложнее всегда [Инт. 2].

Кантор этой же общины, описывая свое восприятие онлайн-молитвы, добавляет:

Я все-таки работаю с людьми и мне важно видеть реакцию людей. Конечно, сложно было, первоначально, первые дни, стою за бимой – и передо мной экран телефона. Не видно реакцию, сложно динамику..., приходится заикливаться только на себе. Потом стало попроще, когда вот ограничения сильные сняли. Наверное, тут помогает зум – когда видишь реакцию людей, как они дома, за столом, на диване. Для меня лично важен зрительный контакт. Работа обязывает, иначе эмоции сложно включать [Инт. 3].

Таким образом, один из самых важных моментов, обозначенных в интервью, – это обратная связь и рефлексия по поводу реакции аудитории. Раввин и кантор отметили, что при проведении молитвы онлайн-взаимодействие с людьми, находящимися по другую сторону экрана, имеет свои особенности и трудности. При очной коммуникации привычная ситуация лицом к лицу более комфортна для проведения молитв. В онлайн-среде обратная связь, существующая в виде комментариев или видео, отслеживается сложнее. Важно отметить, что оба информанта выразили свое стремление и готовность справляться с ограничениями и особенностями проведения службы онлайн.

Лидер общины в Санкт-Петербурге описывает свое отношение к онлайн-молитвам противоположным способом:

Ну, я лично для себя выбрала общаться с теми, кто в зале, а те, кто в Зуме, в общем, подсматривают на то, что происходит в зале. Ну опять-таки я не могу это оценивать как правильное или неправильное. Особенно, если люди еще и картинку ставят вместо камеры включенной, то разговаривать с фотографиями я вообще не могу. Это не разговор, ты читаешь проповедь, ты говоришь какие-то слова молитвы. В общем я считаю, что молитва – это процесс общественный, но тем не менее интимный, и он требует взаимного участия [Инт. 5].

Описанные две стратегии адаптации к цифровым технологиям ярко показывают, что их личное восприятие лидерами влияет на то, как выстраивается коммуникация внутри сообщества. Если в общине Ле-Дор Ва-Дор физическое присутствие в синагоге и онлайн имеют одинаковую ценность, и лидеры уделяют большое внимание развитию медиа и выражают готовность бороться с ограничениями, которые возникают в онлайн-среде, то в общине Шаарей-Шалом первостепенное значение имеет физическое присутствие, понимание молитвы как частного процесса в личной жизни верующих.

В московской общине онлайн-трансляция молитвы становится важной практикой, которую планируется развивать и совершенствовать. В петербургской общине лидер ставит перед собой иные задачи – по усилению горизонтальных связей:

Ну и как бы я ни мечтала, чтобы все устраивали свой день и приходили физически, и видели не только меня в экране с кантором, а видели еще и друг друга... Потому что это момент общинности, то, что не может заменить Зум. Я бьюсь все эти последние годы, чтобы люди хотели общаться друг с другом... Для нас любая молитва живая будет лучше самой шикарной онлайн [Инт. 5].

В данном случае физическое соприсутствие является объединяющим элементом сообщества. Информант строго проводит границу между присутствием онлайн и офлайн. Онлайн-встреча понимается как некий дополнительный элемент, на основании которого невозможно выстроить устойчивые социальные связи. Очное же общение, по мнению респондента, позволяет это сделать.

Что касается реакции членов общины на переход в онлайн, то раввин московской синагоги описывает ее следующим образом:

Ну тут никогда не было каких-то криков душераздирающих. Было всегда желание поддерживать связь с синагогой, даже пока виртуально. Потому что все воспринимали поначалу как чисто временное событие – когда полностью реальное присутствие было перенесено в виртуальную сферу [Инт. 2].

Несмотря на разное восприятие онлайн-практик, они остались в религиозной жизни обеих общин и после завершения карантина. В общине Ле-Дор Ва-Дор регулярно происходят онлайн-трансляции молитв на Facebook*, встречи в Zoom, остается гибридный вариант совмещения онлайн и офлайн. В общине Шаарей-Шалом у членов общины есть возможность подключаться к Zoom во время молитвы; однако лидер общины направляет усилия на то, чтобы люди приходили в синагогу.

На выбор раввинами той или иной стратегии адаптации к цифровым технологиям в религиозной службе повлияли не только их личные предпочтения, но и те организационные задачи, которые они как эффективные лидеры сообщества ставят перед собой. Поскольку община Ле-Дор Ва-Дор является самой крупной прогрессивной общиной России (в ней работают два раввина и есть кантор), то одной из приоритетных задач по развитию является расширение связей

с другими общинами, привлечение новых людей. Соответственно, руководители охотнее развивают онлайн-формат и имеют возможность адаптировать его к офлайн-молитвам. В общине Шаарей-Шалом нет постоянного раввина и за весь период существования лидеры сменялись несколько раз. Основное внимание нынешнего руководителя направлено на установление прочных связей между членами общины, что достигается путем живого общения и совместной деятельностью. О важности живого общения и личного присутствия в синагоге также было сказано в интервью:

Это все равно буферное общение – общение до, общение после (молитвы – М.Ш.). Или вот всякие ситуации, когда у нас кто-то на машине – все друг друга подвозят до метро, прямо распределяют тех, кто пришел, – а я этого подвезу, я – этого. То есть вот эти моменты, они тоже являются важной частью общины. Они являются не менее важной, чем сама молитва [Инт. 5].

Онлайн-синагога – the New Normal

Поскольку во время пандемии COVID-19 медиатехнологии стали неотъемлемой частью повседневности людей, после окончания карантина они продолжают использоваться и рассматриваются как привычное средство коммуникации. Доковидная эпоха отличалась тем, что у людей была возможность избегать технологий или не пользоваться ими, в период пандемии ситуация изменилась. Практически во всех сферах жизнедеятельности цифровые технологии стали их неотъемлемой частью.

Одни религиозные группы переживали кризис в принятии и негативно оценивали технологии, другие не испытывали противоречий с традицией и легко стали применять новшества в ритуалах. Прогрессивный иудаизм, безусловно, относится ко второй группе. Восприятие здесь интернета основывается на том, что новые медиа являются проводником и способствуют поддержанию религии.

Как показывает израильский историк М. Блондхейм, использование различных медиа на протяжении истории развития иудаизма помогало сохранять традицию и передавать Закон от поколения к по-

колению. В XXI веке новые медиа также способствовали возникновению новой формы поддержания связей внутри сообщества:

Эти глобальные виртуальные сообщества основаны на общем контенте – словах, воспоминаниях, идеях, текстах и часто этических или правовых системах. По крайней мере, не менее важна для их выживания и благополучия коммуникационная система, обеспечивающая связь и поддержание сплоченности и солидарности группы. Это представление о людях, существующих как сеть, рассредоточенных в пространстве, полностью согласуется с историческим опытом евреев и медийными традициями, которые они развили [Blondheim 2015, 36].

Развивая данную мысль автора, можно говорить о том, что использование интернета во время пандемии не стало чем-то кардинально новым для иудейских сообществ. В том числе и прогрессивный иудаизм внес глобальное изменение в понимание того, что считать позволительным с теологической точки зрения – к примеру, использование гаджетов в шаббат. Пандемия стала лишь ключевым событием, поворотным моментом, который способствовал более активному внедрению онлайн-технологий в повседневную жизнь верующих. В одной из рассматриваемых в настоящей статье общин обоснование использования онлайн-технологий и переход в онлайн-синагогу в пандемию были следующими:

У нас действует принцип Пикуах нефеш. И если нам ради сохранения жизни нужно даже переступить через некоторые заповеди, то мы должны это сделать. Особенно это касается шаббатов и вопросов пользования электричества в шаббат, и особенно пользование гаджетами в шаббат. Но здесь (во время пандемии – М.Ш.) вопрос был совершенно очевидный, поскольку речь идет о сохранении жизни и ограничения связаны именно с этим, тогда ни у кого не было вопросов с тем, что мы не посещаем синагогу, а смотрим онлайн. И это, наоборот, очень поддерживало людей, то, что они могут смотреть онлайн. А если бы вообще ничего не было, то это было бы гораздо более печальным опытом. А то, что постоянно мы

поддерживали связь с людьми, – это поддержало. И поэтому, когда встает вопрос, будет ли это дальше – конечно, будет [Инт. 2].

Таким образом, использование онлайн-технологий в пандемию легитимизовано с теологической точки зрения, интерпретируется как нечто положительное, инструмент спасения в трудные времена пандемии. Показательным примером служит обоснование применения интернета в ритуалах одним из лидеров общины Ле-Дор Ва-Дор:

Не все люди будут ходить в ортодоксальную или хасидскую синагогу в других городах. Туда не пойдут, потому что не интересно им там, а реформистской синагоги нет. И скажем, зум-онлайн-трансляции – это спасение для многих людей [Инт. 3].

Четкое разграничение «Мы – Они» (ортодоксия и либеральное движение) прослеживалось во всем ходе интервью:

Реформисты все испытывают на себе, а потом ортодоксы нас догоняют [Инт. 3].

Отношение к новым медиа в прогрессивном иудаизме становится дополнительным важным маркером идентичности, который выделяет прогрессивное сообщество среди других течений в иудаизме. Реакция прогрессивного иудаизма на ограничения в пандемию ярко показывает, как соотносится уровень теории (догматов) и практики в религии.

Спустя полгода после нашего первого интервью с раввином московской общины его уверенность в том, что медиа станут обыденностью в религиозной жизни, сохранилась:

Многие спрашивали: «Что будет с синагогой дальше?». Летом еще под вопросом было – будет ли это новой нормой? А сейчас мы уже понимаем, прошел год с того момента, как мы перешли в онлайн, то есть мы понимаем, что это уже никуда не денется. То есть это станет «новая норма». Но вопрос-то в чем был? Не убьет ли онлайн реальную синагогу? Не убьет. Наоборот, это будет большая поддержка [Инт. 2].

На вопрос о том, планируется ли сохранение и использование онлайн-технологий в дальнейшем, после снятия ковидных ограничений, был получен следующий ответ:

Боле того, усиление. Придет технически подкованный человек, кто-то должен оператором сидеть, отслеживать, будет качество лучше... Люди просят онлайн, но просят не москвичи – там ближайшее замкадье, там тяжело людям добираться. В основном это просьбы «не прерывайте онлайн» – это просьбы людей из других городов [Инт. 3].

Технологии позволяют московской общине расширять границы прогрессивного иудейского сообщества в России. Результаты включенного наблюдения за активностью в группе синагоги в социальной сети Facebook*, показывают, что после окончания режима карантина онлайн-службы остались актуальными для верующих. По комментариям под постами с молитвами видно, что в основном к онлайн-молитвам присоединяются люди из других городов – где нет прогрессивных общин; значительную часть составляют русскоязычные евреи, проживающие в других странах.

Привычное понимание сообщества изменяется, поскольку люди, пришедшие в онлайн-синагогу, не обязательно являются членами общины (к примеру, могут не платить членские взносы). Виртуальное сообщество расширяется за счет трансляций религиозных ритуалов на цифровых площадках, таких как Facebook* и Zoom. Однако возникает логичный вопрос – является ли рост числа участников онлайн-мероприятий показателем увеличения количества реальных членов общины? Поскольку довольно трудно отследить, кто именно просмотрел видео с религиозной службой, и узнать их самоидентификацию – ведь это могут быть просто интересующиеся люди, не планирующие приход в синагогу.

Х. Кэмпбелл объясняет, что участники онлайн-сообществ имеют различную мотивацию при вступлении в группу, и она не всегда совпадает с мотивацией тех членов общины, которые принимают участие офлайн:

Исследования показывают, что некоторые участники часто присоединяются к онлайн-сообществу и остаются в нем, чтобы удовлет-

ворить определенные потребности в отношениях (в случае с эмигрантами это может быть сохранение связи со страной рождения, поддержание практики использования русского языка – М.Ш.). Тем не менее, это участие не полностью отвечает желанию членов религиозных членов общин в общении и совместного опыта богослужения. Таким образом, религиозная деятельность в интернете представляет собой лишь часть общей религиозной идентичности человека [Campbell 2013, 63].

В синагоге Санкт-Петербурга социальные сети не являются приоритетной задачей по развитию, но лидер также уверен, что их использование в скором времени станет обыденностью – the New Normal:

То есть у нас, как я и предполагала, избавиться от этого мы уже вряд ли сможем – от этого подсматривающего ока [Инт. 5].

Безусловно, интерпретация медиа как «подсматривающего ока» отличается от нарратива «спасения», однако важно само замечание о том, что это уже реальность и она не противоречит теологии движения. Социальные сети, по мнению респондента, нарушают приватность молитвы и нарушают сакральное пространство синагоги. Стоит отметить, что понимание и самоидентификация самих членов общины, посещающих синагогу онлайн, может быть иным. Характерно дальнейшее высказывание респондента:

Я всегда включаю (Zoom – М. Ш.), всегда кто-то заходит. Есть, например, несколько пенсионеров, которые не выходят из дома, или еще что-то... или есть у меня люди, которые всегда ходят по субботам, а в пятницу не могут прийти, но включаются в онлайн. Ну, я конкретно знаю людей. Поэтому, ну, присутствие это есть. Я, конечно, знаю, это все люди наши, там, свои, и в любом случае, если есть выбор между тем, что ничего не получить и получить онлайн – то лучше получить онлайн [Инт. 5].

По итогам наших включенных онлайн-наблюдений и посещения онлайн-молитв в обеих синагогах можно говорить о том, что цифровые практики стали the New Normal. В общине Ле-Дор Ва-Дор регуляр-

но проходят богослужения в гибридной форме совмещения онлайн- и офлайн-формата. На странице общины в Facebook* транслируется не только образовательный контент, но и молитвы, записи служб, которые находятся в открытом доступе, и их может просмотреть любой пользователь.

В общине Шаарей-Шалом службы проходят с большим фокусом на пришедших в синагогу людей, однако, онлайн-возможность присутствовать и частично участвовать в ритуалах также остается. Правда, ссылку для входа в Zoom можно получить только через руководство общины. В открытый доступ в Facebook* выкладываются в основном записи образовательных мероприятий, не связанных с литургией.

Выводы

На стратегии адаптации к ситуации пандемии в прогрессивных иудейских сообществах повлияло несколько факторов. Во-первых, личное отношение раввинов, канторов и других лидеров сообщества к цифровым технологиям. Во-вторых, организационные задачи, способствующие эффективному развитию сообщества. В-третьих, теология движения, которая не имеет унифицированной формы проведения ритуала. Таким образом, в каждой общине формируется свой уникальный способ коммуникации и использования цифровых технологий.

В ходе исследования нами было выявлено две стратегии. Первая стратегия связана с использованием социальных сетей как основного инструмента для расширения социальных связей внутри сообщества (пример общины Ле-Дор Ва-Дор). За период пандемии был сформирован формат проведения религиозных служб онлайн, который позволял русскоговорящим верующим или интересующимся из разных стран виртуально присоединяться к богослужениям.

Вторая стратегия заключается в использовании цифровых программ (Zoom, Viber и другие мессенджеры) как вспомогательных инструментов только во времена пандемии, когда ограничена возможность личного присутствия в синагоге (пример общины Шаарей-Шалом). Данный формат характерен для более закрытых общин, в которых преимущество отдается личному общению между верующими.

Источники

Инт. 1. М., раввин общины. Зап. 25.08.2020, онлайн. Московский центр прогрессивного иудаизма.

Инт. 2. М., раввин общины. Зап. 19.03.2021, г. Москва. Московский центр прогрессивного иудаизма.

Инт. 3. М., кантор. Зап. 19.03.2021, г. Москва. Московский центр прогрессивного иудаизма.

Инт. 4. М., раввин общины. 26.08.2020, онлайн. Тюменская община прогрессивного иудаизма.

Инт. 5. Ж., религиозный лидер общины. 31.03.2021, онлайн. Община прогрессивного иудаизма в Санкт-Петербурге.

Ле-Дор Ва-Дор – Страница общины Ле-Дор Ва-Дор в Facebook*. URL: <https://www.facebook.com/moscow.reform>.

Шаарей-Шалом – Страница общины Шаарей-Шалом. URL: <https://www.facebook.com/ShaareiShalomSpb>.

Литература

Blondheim 2015 – *Blondheim M.* The Jewish Communication Tradition and Its Encounters with (the) New Media // *Digital Judaism. Jewish Negotiations with Digital Media and Culture* / Eds. Heidi A. Campbell. New York: Routledge, 2015. P. 16–40.

Campbell 2010 – *Campbell H. A.* When Religion Meets New Media. New York: Routledge, 2010. 228 p.

Campbell 2013 – *Campbell H. A. (Ed).* Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds. New York: Routledge, 2013. 272 p.

Digital Practices in Progressive Judaism in Russia during the COVID-19 Pandemic

Maria Shishigina

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2040-8620

PhD Student

The Center for the Study of Religion of Russian University State for the Humanities
Miusskaya sq. 6, Moscow, 125993, Russia

Tel.: +79856322377

E-mail: shishiginamaria@mail.ru

Abstract: This article examines digital practices in use during the COVID-19 pandemic in Jewish Progressive communities in Moscow and St. Petersburg. At that time, during the lockdown, communities did not have the opportunity to gather physically in the synagogue. Religious leaders faced the challenge to hold religious rituals online. The questions considered are: the methods of online communication that were developed in Russian communities, the features of the transformation of religious life, and the relevance of the continued use of digital practices after the removal of COVID-19 restrictions. Despite the different perception of the Internet and the new media by the leadership of Russian communities, online technologies were actively used in religious practice during the lockdown and remained relevant in the daily life of believers after it. Divine services are being accompanied by video filming and live broadcast to digital platforms such as Facebook*, Instagram*, Zoom. The important conclusion is that each individual community, however, developed its own unique understanding of how to use the new media, taking into account the views of believers and rabbis. The article analyzes the digital practices developed in progressive communities, and also identifies the factors influencing the choice of a particular communication strategy during a pandemic.

Keywords: Reform Judaism in Russia, digital practices, COVID-19 pandemic, religion online

References

Blondheim, M., 2015, The Jewish Communication Tradition and Its Encounters with (the) New Media, *Digital Judaism. Jewish Negotiations with Digital Media and Culture*, ed. H. A. Campbell, 16–40, New York, Routledge.

Campbell, H.A., 2010, *When Religion Meets New Media*. New York, Routledge, 228.

Campbell, H.A., 2013, (Ed), *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. New York, Routledge, 272.